

Новое возвращение Маклая¹

В современном образе Николая Николаевича Миклухо-Маклая органично сочетаются черты настоящего, бескорыстного и преданного делу учёного и культовой — в самом хорошем смысле этого слова — фигуры. Именно поэтому его имя стало нарицательным, наряду с такими разными героями «личного мифа», как полковник Томас Эдвард Лоуренс «Аравийский», натуралист Джеральд Даррелл или путешественник Тур Хейердал. Имя Маклай можно встретить и в научных трудах, и в массовой культуре, и в фольклоре туземцев Новой Гвинеи. Несмотря на короткую жизнь, Н.Н. Миклухо-Маклай сумел создать свой собственный миф, всё ещё существующий как среди папуасов, так и среди европейских собратьев учёного, и одновременно оставить огромное научное наследие. Воплотить такое сочетание мало кому удавалось из замечательных людей XIX—XX вв. Недаром вокруг «мифа Маклая» и «научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая» сложилась своего рода особая субдисциплина этнологии: «маклаеведение». Рецензируемый сборник — ещё один важный шаг к осмыслению мифологического и научного в данном исследовательском поле.

На выход книги уже отозвался Д.Д. Тумаркин — ключевой специалист по Н.Н. Миклухо-Маклаю среди российских этнологов и автор его русской биографии². Однако нам кажется важным посмотреть на данный труд с точки зрения историка, исследующего именно устную традицию. Точнее, того, кто изучает историю сквозь призму мифологического повествования³.

Открывает сборник историографическая часть (первые три раздела написаны П.Л. Белковым, четвёртый — Т.И. Шаскольской, пятый — А.А. Лебедевой), где прекрасно показана роль архивных и музейных изысканий в этнологическом исследовании. При всей важности полевой работы, именно труд в архиве даёт ключи к разрешению спорных вопросов, поставленных этнологами-полевыми. Достаточно вспомнить об одной из самых знаменитых в исторической антропологии контроверзе между М. Мид и Д. Фриманом, связанной с оценками традиционной культуры воспитания и взаимоотношения полов и возрастных

¹ Рецензия на книгу: Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая. Очерки по историографии и источниковедению / отв. ред. и сост. П.Л. Белков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 252 с.

² Тумаркин Д.Д. Размышления над книгой «Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая» // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 165—178.

³ См. нашу работу в этом исследовательском поле: Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.

групп на Самоа. Книга М. Мид «Взросление на Самоа»⁴ — классика полевой работы, итогом которой стало изображение привлекательной картины гармоничных нравов мирных и спокойных самоанцев. Исследовательница описала их традиционное общество как сбалансированную социальную систему без конфликта поколений и полов, а главное — без сложностей в социализации детей и подростков. Д. Фриман противопоставил этому историческое архивное изыскание, в результате которого нашлись сообщения о систематическом насилии (включая изнасилования молодых девушек) и разных криминальных инцидентах на Самоа в тех же местах и в то же самое время⁵. М. Мид и её информантки рассказали одну версию самоанской повседневности, а газеты и полицейские отчёты показали Д. Фриману совсем другую.

Возвращаясь к рецензируемой книге, следует особо отметить её первый раздел, в котором прослеживаются становление учёного, формирование его исследовательского замысла, круг чтения. Ключом к этим вопросам стали записная книжка Н.Н. Миклухо-Маклая «Ethnologia» и переписка, которую он вёл с потенциальными спонсорами. П.Л. Белков очень хорошо показал, что выбор Папуа — Новой Гвинеи как места этнографической работы был продиктован научной установкой исследователя найти «первобытный» народ, не затронутый внешним влиянием цивилизации, прежде всего европейской. Необходимость скорейшего проведения такого этнографического описания обуславливалась прозорливым и обоснованным *научным предвидением*, что в ближайшие десятилетия подобных «бесконтактных» народностей на Земле может и не остаться вовсе. Путешествия Н.Н. Миклухо-Маклая представляли собой операции по решению научной задачи, а не досужий поиск экзотических впечатлений.

Привлекает к себе внимание третий раздел сборника «Этнографические открытия Н.Н. Миклухо-Маклая...»: именно Николай Николаевич был первооткрывателем феномена «лингвистической непрерывности», или «диалектного континуума» (почему-то названного П.Л. Белковым «этнической непрерывностью», см.: с. 83). Именно он пронизательно заметил, что туземцы стараются «угодить спрашивающему», обманывая интервьюера (с. 87—88). Интересно, что как раз эту ошибку чрезмерного доверия информантам в 30-е гг. XX в. совершила, видимо, упомянутая М. Мид, о чём Д. Фриман догадался лишь более полувека спустя. У Н.Н. Миклухо-Маклая мы также находим размышления о соотношении

⁴ Mead M. Coming of Age in Samoa. A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization / With foreword by F. Boas. N.Y., 1928. Русский перевод в сборнике: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. и комм. Ю.А. Асеева, сост. И.С. Кон. М., 1988.

⁵ Freeman D. Margaret Mead and the Heretic: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth. N.Y., 1996; Freeman D. The Fateful Hoaxing of Margaret Mead: A Historical Analysis of Her Samoan Research. Boulder: Colorado, 1999.

мифа и ритуала, а это одна из центральных проблем культурной антропологии, филологии и литературоведения XX в. (с. 88). В историографических разделах книги исследователь выступает как крупный учёный и мыслитель, а не просто как фанатичный путешественник по экзотическим странам, что прекрасно иллюстрируют слова из интервью самого Н.Н. Миклухо-Маклая: «Не ради „беллетристики“ скитался я среди диких, по таким местностям, где никогда не ходил ещё „белый человек“, подвергал свою жизнь опасности...» (с. 12).

Первая часть сборника — ещё один пример успешного историографического поворота в отечественных науках конца XX — начала XXI в. — истории, археологии, этнологии, филологии. Архивный и историографический опыт формирует особый стиль работы ведущих российских исследователей, выгодно отличая их от многих современных иностранных коллег.

Вторая часть книги (шестой и седьмой разделы, написанные А.А. Винецкой и А.В. Турским) вводит в научный оборот комплекс мифов и легенд о Маклае, сохранившихся в исторической памяти жителей Папуа — Новой Гвинеи. Как справедливо констатируют авторы, «случай Маклая» уникален, поскольку у нас есть, с одной стороны, достоверный исторический источник о действиях исследователя на Берегу Маклая, а с другой — несколько разновременных фиксаций преданий и легенд о нём (с. 157). Это редкий пример реального *эксперимента в гуманитарных науках*, который показывает, как события исторической реальности отражаются в исторической памяти и трансформируются в устной традиции, передаваемой из поколения в поколение. Жаль, что авторы не знакомы с похожей работой норвежского фольклориста Б. Ходне, опрашивавшего жителей сельских районов об убийствах и случаях насилия, которые они помнили, и сравнивавшего эти рассказы с официальными архивными данными⁶. Пионером же методологии изучения устной истории в XX в., как известно, выступил африканист Я. Вансина⁷. Среди образцов методики исторического исследования, базирующегося на данных устной традиции, также стоит вспомнить монографию «Короли и сородичи...»⁸.

Проблема мифологизированной устной традиции (её сохранности и точности передачи информации, а главное — методов извлечения из неё достоверных фактов) стоит и перед историками, особенно медиэвистами⁹. Соотношение мифопоэтического рассказа и действительности

⁶ Hodne B. Personalhistoriske sagn. En studie i kildeverdi. Oslo, 1973.

⁷ Vansina J. Oral Tradition. A Study in Historical Methodology. L., 1969; Vansina J. Oral Tradition as History. Madison: Wisconsin, 1985.

⁸ Миллер Дж. Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе. М., 1984.

⁹ Гуревич А.Я. К истолкованию «Песни о Риге» // Скандинавский сборник. 1973. № 18. С. 159—175; Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннем Средневековье // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. С. 323—360; Norr S. To Rede and to Rown. Expressions of Early Scandinavian Kingship in Written Sources //

подробно анализировал на примере эпоса славян и некоторых других народов Б.Н. Путилов¹⁰, который, кстати, сам участвовал в фиксации и публикации преданий о Маклае.

«Случай Маклая» — ещё одно экспериментальное подтверждение базовых представлений о механизмах трансформации устной традиции и факторах сохранения в ней достоверных данных о прошлом. Мифологические предания формировались вокруг фигуры исследователя уже при его жизни на острове. Устная традиция о Н.Н. Миклухо-Маклае существовала с 1871 по 2010 г., т.е. почти 140 лет.

Распространителями мифов о Маклае являлись носители австронезийских языков, обладавшие элитарной культурой (в частности, технологией строительства каноэ) и фактически монополизировавшие каботажную торговлю (с. 164). Воспоминания о Маклае были распространены среди туземцев, однако особая традиция рассказов о нём имела у одной семьи (с. 178, 189—190), чьим прародителем являлся местный друг исследователя — Туй. Его сын, внук, правнук стали хранителями преданий о Маклае. Именно праправнук Туя Гасом Каму в 2010 г. рассказывал истории об учёном двум из соавторов сборника. Таким образом, легенды о Маклае передавались в течение пяти поколений. Более того, эти повествования повышали социальный статус клана данной семьи — Горендук. Перед нами наглядное подтверждение тезиса известного немецкого историка и исторического этнолога Р. Венскуса об особой роли элитарных кланов в сохранении племенной эпической традиции (нем. *der Traditionskern*, англ. *core tradition, nuclear tradition*). Именно представители таких кланов были культуртрегерами, формировавшими племенную идентичность с помощью своей устной мифологизированной идеологической традиции¹¹. А унифицирующее влияние карго-культов на «мифологию Маклая» можно типологически сравнить с воздействием на языческую устную традицию варварских народов раннего средневековья христианской религии. Образы проповедников культа карго повлияли на образ Маклая типологически так же, как образы Иисуса Христа и святых — на описания первопредков варваров-язычников Европы.

Occasional Papers in Archaeology № 17. Uppsala, 1998; Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2002. С. 47—55; Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007; Шувалов П.В. Зачатие Руси: пушные пути Европы и устная традиция // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света: материалы международной конф. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 75—88.

¹⁰ Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

¹¹ См. обзор работ школы Р. Венскуса: Шпирт А. Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего Средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3—4. 2012—2013 / под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. Нижний Новгород, 2013. С. 42—52.

Особое внимание следует обратить на «Полное предание о Маклае» (с. 177—180, 195). Оно сложилось уже под влиянием книжной информации об исследователе, долго рассказывалось туристам — и до сих пор приносит рассказчику прибыль. Аналогичным образом происходил синтез оригинальной устной традиции разных германских, славянских и др. племён с античными и христианскими литературными текстами. Так складывались первые большие раннесредневековые нарративы об истории варварских королевств Европы¹². Точно так же отражались сюжеты и отдельные фрагменты эпоса кочевников Великой степи в китайских летописях, например, в знаменитом сочинении Сыма Цяня¹³. Обратим внимание и на зафиксированный феномен влияния ранних записей текстов на репертуар певцов старин (былин)¹⁴.

Очень показателен набор типов «воспоминаний о Маклае / Маграе / Магруайе»: воспоминания и анекдоты о разных случаях из его жизни; обычай давать детям имя Маклай и называть им топографические локусы («тропа Маклая»); русские слова в папуасских языках (например, достоверно зафиксированное *tarorr* = «топор», с. 173); легенды об исследователе как о культурном герое, герое-чужаке, герое карго-культы; предания о нём как о названном брате, друге авторитетного предка информантов-рассказчиков историй. Этот список замечательно совпадает с перечнем возможных признаков происхождения некоторых известий средневековых летописей и хроник от устной мифоэпической традиции славянских и других народов. Среди таковых признаков нами были в своё время выделены: указания на информантов из знатных семей, рассказывающих о своих предках; паремии и иные малые формы фольклора; славянские лексемы в латинском тексте для западнославянских хроник; мифологические имена и топонимы, описания ритуалов и др.¹⁵ Как видим, наша реконструкция совпала с фиксацией реальной устной традиции, существующей до сих пор. Похожие выводы сделал Б. Ходне, отметивший, что элементы информации, связанные с действием, хорошо сохраняются в памяти людей, которые помнят: что случилось, где, каковы были мотив и результат действия, а также имя действующего персонажа. При этом люди совершенно забывают даты (абсолютный закон устной традиции), с трудом называют мотив или имя объекта действия (жертвы)¹⁶. И, возвращаясь к классическим рассу-

¹² См. о механизмах этого феномена: Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

¹³ Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2002. С. 13, 47—55.

¹⁴ Новиков Ю.А. Былина и книга. Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.

¹⁵ Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 83—104.

¹⁶ Hodne B. Personalhistoriske sagn. En studie i kildeverdi. Oslo, 1973. pp. 182 (tabl. 1).

ждениям Я. Вансины, вспомним, что устная традиция — всегда достояние социума (группы), в ней нет абсолютной хронологии, только относительная, факты реальности в ней не столько и не только искажаются, сколько селективируются, как бы фильтруются, (ре)организуются по законам конструирования нарратива определённого вида¹⁷.

Отметим важнейший для историков устной традиции момент, на котором мы не могли не остановиться, читая предания о Маклае и сравнивая их с работой Б. Ходне. По мере отдаления события во времени достоверность рассказа о нём уменьшается за счёт снижения количества деталей, а не тотального искажения информации или замены её на ложную. Социально-важная устная историческая традиция не столько искажается, сколько истончается, развоплощается, «уходит» в забвение. Искращения, конечно, имеют место, но они обычно происходят согласно определённым закономерностям, которые можно просчитать и зафиксировать.

Без сомнения, раздел А.А. Винецкой и А.В. Титорского имеет огромное методологическое значение для всех историков, обращающихся к проблеме устной мифоэпической традиции как исторического источника.

Вся книга, конечно, заинтересует гуманитариев самых разных специальностей, прежде всего историков, а не только этнологов, специализирующихся на Тихоокеанском регионе. Отметим, что рецензируемый сборник, конечно, носит явно предварительный, очерковый характер. Можно сказать, что в нём содержатся планы двух больших монографий. Первая из них должна быть посвящена Н.Н. Миклухо-Маклаю как мыслителю-гуманитарию, а также научным взглядам учёных его времени и круга. Во второй следует опубликовать в хронологическом порядке все тексты зафиксированных устных рассказов папуасов о Маклае на языках первичной записи, а также осуществить перевод и анализ данных материалов, привлекая специалистов по фольклорному, мифоэпическому и раннеисторическому нарративу, а также профильных лингвистов.

В заключение особо отметим, что фигура учёного Н.Н. Миклухо-Маклая и образ культурного героя Маклая создают одну из теснейших знаковых связей России с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Именно такие историко-культурные связи формируют непреходящее присутствие русской культуры в мире.

А.С. Щавелёв, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН

¹⁷ Vansina J. Oral Tradition as History. Madison: Wisconsin, 1985. Pp. 147—199.